

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1

МАРИЯ НЕСТЕРЕНКО

Розы без шипов

Женщины в литературном процессе
России начала XIX века

Гендерные исследования

Мария Нестеренко

**Розы без шипов. Женщины
в литературном процессе
России начала XIX века**

«НЛО»

2022

Нестеренко М.

Розы без шипов. Женщины в литературном процессе России начала XIX века / М. Нестеренко — «НЛО», 2022 — (Гендерные исследования)

ISBN 978-5-44-482023-0

Первая треть XIX века отмечена ростом дискуссий о месте женщин в литературе и границах их дозволенного участия в литературном процессе. Будет известным преувеличением считать этот период началом становления истории писательниц в России, но большинство суждений о допустимости занятий женщин словесностью, которые впоследствии взяли на вооружение критики 1830–1860-х годов, впервые было сформулированы именно в то время. Цель, которую ставит перед собой Мария Нестеренко, – проанализировать, как происходила постепенная конвенционализация участия женщин в литературном процессе в России первой трети XIX века и как эта эволюция взглядов отразилась на писательской судьбе и репутации поэтессы Анны Петровны Буниной. Для этого исследовательница обращается к различным источникам, прежде всего к журнальной периодике, показывая, что при общем позитивном отношении карамзинистов к культурной миссии просвещенных дворянок среди них не было единодушия по этому вопросу. Мария Нестеренко – филолог, докторант Тартуского университета (PhD), специалистка по творчеству забытых писательниц XIX – начала XX века.

ISBN 978-5-44-482023-0

© Нестеренко М., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Введение	6
Статус писателя в первой трети XIX века и женское присутствие в литературе	9
Первые опыты концептуализации и историографии женской литературы	13
ГЛАВА 1	17
Проблема женского творчества в публицистике Н. М. Карамзина	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мария Нестеренко
Розы без шипов. Женщины в литературном
процессе России начала XIX века

Посвящается моим родителям

Введение

За последние десятилетия появился целый ряд исследований, посвященных женскому литературному творчеству в России XIX века и определению его места в национальной культурной истории. Эти работы вписываются, с одной стороны, в контекст изучения феномена «женского письма» и «женской литературы» в целом, а с другой – в контекст историко-литературных исследований эпохи, оперирующих понятиями «направления», «школы», «канона» и т. д. Выделение «женской литературы» как специфического объекта требовало своего обоснования, и потому исследователи акцентировали именно ее своеобразие, отличительные особенности, что в ряде случаев приводило к обособлению писательниц в культурной истории. На эту аберрацию указала И. Л. Савкина в методологическом введении к своей монографии «Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века)», анализируя подходы к изучению «женской литературы»:

...в излишнем акценте именно на особенности женской традиции таится, на наш взгляд, некоторая опасность: сосредоточенность исключительно на женских произведениях может привести к аберрации: мы будем воспринимать и оценивать как специфически женские такие особенности текста, которые имеют не гендерную, а, например, национальную, жанровую и т. п. природу или связаны с индивидуальным стилем автора.

То есть мы видим, что, хотя история русской женской литературы уже активно создается, вопрос о том, *как* писать такую историю, не дублируя канон и не создавая «миниканон» или «антиканон», остается еще открытым¹.

Пути решения вопроса исследовательница видит в обращении к более узким и конкретным исследовательским задачам – рассмотрению женских произведений в историко-культурном контексте, что позволит избежать упрощений и неточных выводов. В монографии она обращается к материалу 1830–1840-х годов, так как именно в это время «женское присутствие в литературе ясно ощущается, <...> женщины входят в профессиональную литературную сферу, а в критике возникает понятие „женская литература“»².

Однако в России женщины обращались к сочинительству и ранее. Уже в XVIII веке, согласно «Словарю русских писателей XVIII века», насчитывается несколько десятков поэтесс, прозаиков и переводчиц. В первые десятилетия XIX века, когда формируются новые направления, развивается новая лирика, трансформируется литературное поле в целом, появляются и новые писательницы – при том, что понятие «женской литературы» в критике еще не сложилось, а профессиональная литературная сфера только формируется. Внимание же исследователей женской литературы сосредотачивалось, как правило, на более позднем времени – 1830-х и 1840–1850-х годах, так как эти периоды отмечены яркими сюжетами, более податливыми для интерпретации. Так, например, не раз становилась объектом изучения Александра Васильевна Зражевская (1805–1867), автор знаменитого в свое время памфлета «Зверинец» (1842), направленного против дискриминации женщин в литературе³. Вообще можно сказать, что в исследованиях русской женской литературы составил ряд «общих мест» – сюжетов, хорошо известных, но, как правило, проанализированных избирательно и неполно. Из более ранних

¹ Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов). Wilhelmshorst, 1998. С. 18.

² Там же.

³ Отметим здесь лишь некоторые из них, наиболее подробные: Савкина И. Л. Что значит быть женщиной-писательницей: модели «Я» в «Зверинце» Александры Зражевской // Женские и гендерные исследования. 2000. № 5. С. 14–31; Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры: Историко-литературные очерки. Л., 1989. С. 125–137; Грин Д. Иное лицо романтической поэзии: Русские женщины-поэты середины XIX века. СПб., 2008. С. 262–263.

сочинений исследователи часто упоминают вступление к поэме «Полион, или Просветившийся Нелюдим» (1774) Екатерины Урусовой и стихотворение Александры Мурзиной «К читателям» (1799) как симптоматичные образцы авторской метарефлексии. В экскурсах в начало XIX века, с одной стороны, отмечается, что сентименталисты способствовали вовлечению женщин в литературное производство, но при этом оценивали их сочинения с «комплиментарной снисходительностью». С другой стороны, старшим «архаистам» отводится традиционная роль консерваторов, не видевших необходимости в вовлечении женщин в литературу, хотя именно в «Беседу любителей русского слова», литературное общество «архаистов», писательницы были включены в качестве почетных членов. Историки литературы, которые анализировали программу и деятельность общества, этот факт обходили вниманием.

Мы обратились к первой трети XIX века, так как именно в этот период в России были заложены представления о «женской литературе», получившие выражение в позднейшей критике; в это время начала складываться профессиональная литературная сфера, в которую наряду с писателями входили и писательницы. Мы попробуем рассмотреть отношение литераторов и журналистов разных направлений к женскому сочинительству в первой трети XIX века более системно, привлекая недостаточно учтенные до сих пор источники. Контекст основных литературных споров, полемики «архаистов» и «новаторов», шишковистов и карамзинистов представляется нам необходимым фоном описания женского участия в русской словесности начала века. Его значимость демонстрирует творческая биография Анны Петровны Буниной (1774–1829), ставшей основной героиней настоящей работы. Авторскую репутацию Буниной определяло в значительной степени не ее собственное творчество, а «внешние» факторы: полемика карамзинистов и шишковистов, отношение к профессионализации литературного труда, меняющиеся оценки женского писательства. Бунина была одной из первых русских поэтесс, стремившихся сделать литературу своей профессией, – в пору, когда соответствующая профессиональная сфера в России едва начинала складываться, – что делает ее случай прецедентным и в этом отношении.

Так как представления о литературном творчестве женщин как специфическом в тематическом, сюжетном и жанровом отношении лишь начинают оформляться в интересующий нас период, мы будем понимать под «женской литературой» сочинения, написанные женщинами, сознавая ограниченность такого «нейтрального» подхода, на которую указала И. Л. Савкина в монографии. Здесь он представляется нам оправданным, так как позволяет избежать предзаданных оценок, обусловленных исследовательским определением «женского письма» и «женской литературы» применительно к эпохе, когда содержание этих понятий только устанавливается. Концептуализация женской литературы как сочинений, обладающих набором определенных характеристик (дневниковый характер, исповедальность, сосредоточенность на сфере чувств), произойдет позже, в 30–40-е годы XIX столетия:

Женское писательство может существовать как саморефлексия, как фиксация ощущений, впечатлений и фантазий собственной души, но оно не может и не должно выходить в публичность, во внешние сферы, где происходит борьба за пространство и власть. <...> Интересно, что модель дневника является ключевой в большинстве критических текстов этого времени, посвященных женской литературе. Критики отмечают, что женские стихи фиксируют мгновения, зеркально отражают впечатления. Белинский в рецензии на книгу Е. Ростопчиной (1841) предостерегает от того, чтобы женская поэзия перебиралась бы из будуара в кабинет; он замечает, что Ростопчина напрасно пытается заниматься рассуждениями, ибо ее стихотворения выиграли бы «больше в поэзии, если бы захотели оставаться

поэтическими откровениями мира женственной души, мелодиями мистики женственного сердца»⁴.

Заостренное суммарное описание «женского письма» в понимании, сформированном русской критикой XIX века, дал поэт и эссеист В. Ф. Ходасевич:

Именно женщины особенно расположены к непосредственным излияниям из области личных переживаний, значительность которых именно они особенно склонны измерять степенью напряженности и правдивости; именно женщинам свойственно более полагаться на личный опыт, нежели на доводы, созданные теорией. Отсюда – почти неизбывный интимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый умышленно, не без капризного оттенка. Не отрицаю, во всем этом есть нечто подкупающее, ибо всякая непосредственность подкупает; есть и своеобразное очарование. Но и то и другое – порядка более человеческого, может быть – даже слишком человеческого, нежели художественного. Как человеческий документ «женская поэзия» содержательнее и ценнее, чем как собственно поэзия⁵.

Если обратиться к жанровому и тематическому репертуару женских сочинений рубежа веков (см. ниже), то мы не обнаружим в нем четкой специфичности. В начале XIX века критики еще не связывают женскую поэзию с репертуаром устойчивых тем и мотивов, их внимание сосредоточено, скорее, на поведенческом и репутационном аспекте: насколько занятия литературой вообще дозволительны девицам и матерям семейств. Как отмечала Урсула Штолер, «женщины, претендовавшие на профессиональное участие в литературе, особенно противоречили ожиданиям мужчин-сентименталистов, которые видели их исключительно в роли дилетантов»⁶.

Нам также близко определение женской литературы, которое дает Катриона Келли. С ее точки зрения, женская литература – та, которая отражает специфически женский опыт:

Я делаю акцент на женской репрезентации в сочинениях женщин, поскольку именно здесь проявляются наиболее серьезные проблемы и конфликты русского женского письма⁷.

Если продолжить мысль Келли, то отсутствие ясной женской репрезентации в произведениях писательниц тоже вписывает их в категорию женской литературы, поскольку сокрытие гендера также указывает на проблемы и конфликты, с которыми пришлось столкнуться сочинительницам, – и здесь мы возвращаемся к «нейтральному» определению женской литературы как произведений, написанных женщинами, и останавливаемся на нем как на рабочем.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Ходасевич В. Ф. «Женские» стихи // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: Записная книжка, статьи о русской поэзии, литературная критика, 1922–1939. М., 1996. С. 210.

⁶ Stohler U. Disrupted Idylls. Nature, Equality, and the Feminine in Sentimentalist Russian Women's Writing (Mariia Pospelova, Mariia Bolotnikova, and Anna Naumova). Frankfurt a. M., 2016. P. 89.

⁷ Kelly C. A History of Russian Women's Writing, 1820–1992. Oxford, 1998. P. 31.

Статус писателя в первой трети XIX века и женское присутствие в литературе

Рубеж XVIII–XIX веков был временем важных перемен в русской культуре, которые затронули и «женский мир». Если говорить о предшествовавшей дворянской культуре, то следует отметить, что еще в эпоху Петра закрепилось разделение на мужские и женские области. Об этом как об одной из характерных черт эпохи писал Ю. М. Лотман: «... женский мир сильно отличался от мужского, прежде всего тем, что он был выключен из сферы государственной службы. Женщины не служили, чинов не имели»⁸. Историк Мишель Ламарш Маррезе следующим образом суммировала изменения роли женщины, происходившие на протяжении XVIII века:

Судя по историческим документам, роль женщины-дворянки в жизни русского общества попеременно то возрастала, то уменьшалась и, достигнув вершины в XVIII столетии, пошла на убыль после царствования Екатерины Великой⁹.

Так или иначе, области самореализации для мужчин и женщин были строго разделены и закреплены. Линн Абрамс в своей книге «Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918» так определяет эти разделенные области (*separate spheres*): для женщины – домашнее пространство, для мужчины – общемировое (государственная служба, политика, культура)¹⁰.

Ограничение «женского мира» способствовало тому, что женщины гораздо реже самостоятельно выступали в интеллектуальной сфере, в том числе и в литературе. Хотя писательниц и переводчиц в XVIII веке в России насчитывается уже несколько десятков, никто из них, в отличие от современников-мужчин, не закрепился в литературном каноне. Под каноном, вслед за Дианой Грин, мы понимаем

совокупность тех авторов и текстов, которые, согласно общепринятому мнению, являются ключевыми для понимания литературы и, соответственно, занимают центральное место в научных исследованиях, литературно-исторических обзорах и образовательных программах¹¹.

Социолог литературы Джон Гиллори в ставшей классической работе «Культурный капитал: Проблема образования литературного канона» (1993) обосновал понимание канона как инструмента социального контроля. Отсутствие в нем авторов, представляющих те или иные группы, в том числе и по гендерному признаку, не причина, а следствие такого контроля¹². Непопаданию в канон способствовало отсутствие значительного символического капитала. В мужской литературной среде подобный капитал включал «не только богатство и статус, но и образование, наличие высоких покровителей, место жительства (столичный город или провинция), личные знакомства с критиками, редакторами, издателями»¹³ – иными словами, доступ «к средствам литературного производства и потребления»¹⁴. И. Л. Савкина отмечала, что про-

⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. XVIII – начало XIX века. СПб., 2001. С. 41.

⁹ Маррезе М. Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2002. С. 11.

¹⁰ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918. М., 2011. С. 9.

¹¹ Грин Д. Иное лицо романтической поэзии: Русские женщины-поэты середины XIX века. СПб., 2008. С. 12.

¹² Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago, 1993. P. VII.

¹³ Грин Д. Иное лицо романтической поэзии. С. 12.

¹⁴ Guillory J. Cultural Capital. P. 17.

блема женской литературы тесно связана именно с ее представленностью в каноне. Она определяет канон как корпус текстов,

...считающихся особенно ценными и достойными сохранения в культурной памяти и передачи из поколения в поколение. Наряду с этим материальным каноном, как замечает Ренате фон Хайдербанд, существует канон критериев и толкований. И тот и другой канон претендуют на универсальность и если не на «вечность», то на долгую жизнь во времени. Литературный канон формируется прежде всего путем разного рода экспертных оценок со стороны профессиональных читателей (литературных критиков и литературоведов) и поддерживается той же критикой и традициями университетского и школьного образования¹⁵.

Если посмотреть с такой точки зрения на биографии русских поэтесс XVIII века, во многих из них обнаруживается характерная общая черта, особенность их социального статуса – родство с известными литераторами: Елизавета Долгорукова была сестрой Ивана Долгорукова, Елизавета Хераскова (ур. Неронова) – женой Михаила Хераскова, Александра Ржевская (ур. Каменская) – женой Алексея Ржевского и т. д. Таким образом, можно заключить, что именно семейные связи с признанными литераторами способствовали их приобщению к литературе, однако вместе с тем это был единственный символический капитал, которым они обладали. Вполне вероятно, что родство с именитыми писателями было главным фактором, определявшим возможности публикации. В России XVIII века женщины пользовались некоторой свободой: представительницы «российской элиты все же составляли исключение <по отношению к их европейским современницам. – М. Н.>, и не только с точки зрения диапазона их имущественных прав, но и в смысле широкого использования привилегий, дарованных им законом»¹⁶. Однако в контексте культурного производства они находились в тени своих патронов. Кроме того, следует учитывать, что

не было и литературной профессии – писатели находились на государственной службе <...> либо пользовались поддержкой сановников-меценатов...¹⁷

Дворянки, занимавшиеся литературой, получали поддержку уже через «вторые руки» – через родственников-писателей. Потенциал женщины развивался там, где для этого имелись условия, то есть в тех семьях, где осознавалась важность качественного образования.

В русской женской поэзии XVIII века отразились общие литературные процессы и тенденции: формирование, а затем и постепенный отход от нормативной поэтики и становление национальной поэтической традиции. Опираясь на содержание сборника «Предстательницы муз. Русские поэтессы XVIII в.», составленного М. Ш. Файнштейном (1998), в который вошли практически все известные опубликованные сочинения поэтесс XVIII века, можно выделить следующие тематические группы стихотворений, написанных женщинами.

Дидактические стихи, басни: Е. С. Урсова «Полион, или Просветившийся Нелюдим»; П. Свинына «Пчела. Басня», «Любовь и дружба», «Невинная пастушка»; Н. И. Старова «Пчела и змей, или Добрый и вредный ум»; Е. К. Нилова «Три басни из Флориана, посвященные моему

¹⁵ Савкина И. Л. Пути, переулки и тупики изучения истории русской женской литературы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь, 2006. С. 11.

¹⁶ Маррезе М. Л. Бабье царство. С. 14.

¹⁷ Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 7.

супругу. Вольный перевод» («Баснь 1. Воспитание льва», «Баснь 2. Голубка и сорока», «Баснь 3. Зеркало правды»).

Философская лирика: А. Л. Магницкая «На смерть жаворонка»; Е. В. Хераскова «Стансы» («Не должен человек в бедах отчаиваться...»), «Будь душа всегда спокойна...», «Чтоб избежать мученья...», «Молитва», «К чему желаешь ты, о смертный, долгий век...», «Потоп», «Стансы» («Взирая на поля, на злачные луга...»); А. А. Турчанинова «Достоинства смерти», «Глас смертного к Богу», «Уединение»; М. А. Пospelова «Гимн Всемогущества», «Молитва», «Непостоянство счастья»; М. Обрютина «Преложение псалма»; Е. М. Долгорукова «Стихи, писанные в жестокой и опасной болезни», «Элегия», «На кончину любезной сестры графини А. М. Ефимовской», «Эпитафия».

Стихи, обращенные к детям, семье (что интересно, стихи эти составляют меньшинство): В. А. Караулова «Разговор матери с маленьким ее сыном»; А. С. Жукова «Чувства матери»;

Пейзажная лирика: М. А. Пospelова «Майское утро», «Весна»; Е. С. Урусова «Весна» и т. д.

Любовная лирика: А. С. Жукова «Супругу моему, с которым я в разлуке».

Тематика женских сочинений в целом отражает поэтический репертуар эпохи, интересное, но немногочисленное исключение составляют стихи, посвященные детям. Обращение поэтесс к этой тематике в лирическом, а не дидактическом ключе могло бы мыслиться как естественное продолжение их материнских обязанностей, эти тексты могли бы составить оригинальную группу, характерную именно для женщин-поэтесс. Однако, видимо, именно по причине отсутствия прецедентов в предшествующей традиции эта тематическая группа осталась немногочисленной.

На рубеже XVIII и XIX веков наметились некоторые изменения, женщина начала более активно участвовать в культурном строительстве:

...роль женщины в дворянском быту и культуре в течение рассматриваемых лет становится все заметнее. Женщина не могла выполнять чисто мужских ролей, связанных со службой и государственной деятельностью. Но тем большее значение в общем ходе жизни получало то, что культура полностью передавала в руки женщин¹⁸.

В сфере эстетики и искусства также произошли значительные изменения, повлиявшие на культурный статус женщины:

Участие женщин в литературе расширилось с утверждением сентиментализма в конце XVIII века. Он позиционировался в противовес классицизму, постулировавшему литературу, по сути, как гражданское занятие для высокообразованных (и, следовательно, выходящее за рамки досягаемости большинства женщин). Сентиментализм вывел на передний план более интимный подход к акту письма, который был тесно связан с некоторыми из основных культурных моделей того времени: идеализация «нежного пола», женской чувствительности. На рубеже XVIII–XIX веков женщины (или, скорее, их мужской идеал) были помещены в центр ключевой культурной парадигмы, пронизывающей как личное поведение элиты, так и ее эстетические ценности. Образцом послужили вежливые, этически и

¹⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 41.

эстетически чуткие дамы. Этот феномен часто называют *феминизацией* русской культуры¹⁹.

Исследователи неоднократно отмечали, что в этот период «язык женщины привлекал к себе самое пристальное внимание при обсуждении судеб русского литературного языка»²⁰. В то же самое время шло переосмысление статуса писателя как такового. В первой трети XIX века литератор стал объектом особенного интереса — в связи с переменами внутри литературы и вне ее. Авторство постепенно приобретало статус профессии, менялся его общественный вес, расширялись границы литературного поля. Авторский цех становился более разнообразным по составу, а читательская аудитория дифференцировалась. Это требовало учета интересов приобщенных к культуре групп, из которых выходили и новые авторы (так, в 1820–1830-е годы появился ряд поэтов-самоучек — преимущественно из крестьян и мещан). Как отмечал А. И. Рейтблат, в первой трети XIX века

меняется и роль литератора. В конце XVIII – начале XIX в. в дворянской среде (а именно из этой среды вышло подавляющее большинство литераторов того времени) доминировала установка на литературное творчество как на развлечение в часы отдыха, а не труд, за который можно получить денежную компенсацию. Но у разночинных литераторов уже в конце XVIII в. формируется иное отношение к литературному труду, среди них появляются авторы (переводчики и создатели низовой прозы), для которых продажа литературных произведений становится основным источником средств к жизни²¹.

Все эти изменения обусловили бурное развитие литературной периодики. Ее издатели, заинтересованные в национальном культурном строительстве, зачастую старались предложить свой сценарий участия женщин в нем. Тем не менее, хотя Карамзин обосновал особую роль женщины в культуре (о чем речь пойдет в первой главе), писательницы еще долго воспринимались как исключение, а их сочинения критики разбирали особо.

¹⁹ Tosi A. Women and Literature, Women in Literature: Female Authors of Fiction in the Early Nineteenth Century // Women in Russian Culture and Society, 1700–1825/ Ed. W. Rosslyn. London, 2007. P. 41.

²⁰ Алексеев А. А. Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII веке // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века. Л., 1984. С. 82.

²¹ Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. С. 8

Первые опыты концептуализации и историографии женской литературы

Н. И. Новиков, предпринимая первый «Опыт исторического русского словаря о российских писателях» (1772), включил в него и ряд русских писательниц, не выделяя их в отдельную категорию. Всего в словаре названо восемь женщин-литераторов: Е. Р. Дашкова, М. В. Зубова, Е. А. Княжнина, А. Ф. Ржевская, Н. И. Титова, Е. В. Хераскова, М. В. Храповицкая, Е. С. Урусова – и непоименованная императрица, с которой, по мнению исследовательницы, «Новиков ведет своего рода беседу и которая является едва ли не главным адресатом этого словаря – Екатерина II»²². Как было отмечено выше, статус писательниц не оговаривался особо автором словаря, видимо, именно потому, что присутствие женщин в литературе пока еще не было проблематизировано.

Особый характер отношений женщины к словесному искусству будет осознан позже – в первое десятилетие XIX века. Журнальная критика эпохи сентиментализма активно занималась конструированием образа идеальной просвещенной женщины, женское писательство явилось одним из частных проявлений этой задачи. Однако, несмотря на общую позитивную установку, журналисты и писатели не были единодушны в определении границ участия просвещенных дам в литературе. Если чтение новой словесности единогласно поощрялось, то отношение к женскому сочинительству варьировалось от однозначного отрицания до признания, что оно все-таки может быть полезно для общества и самой литературы. Современные исследователи, как правило, позитивно оценивают влияние карамзинистов на приобщение женщин к литературному труду, но рассматривают его обобщенно и суммарно, не вдаваясь в анализ различий, которые обнаруживаются в позициях журналистов и писателей. Между тем, как мы собираемся показать, карамзинисты по-разному смотрели на возможность участия женщин в культурном строительстве.

В 1800-е годы старшее поколение карамзинистов комплиментарно поощряло участие женщин в литературе; младшие карамзинисты, как правило, скептически оценивали литературные притязания женщин. Если в самом начале века «дамский вкус» как эстетический ориентир для писателей, как правило, оценивался положительно, то в 1810–1820-е годы фигура того, «кто пишет так, как говорит, / Кого читают дамы», вызывала скорее насмешку. Так, например, показательна динамика суждений А. С. Пушкина, чья оценка творчества того или иного автора часто была решающей в формировании репутации. В позднейшем восприятии поэтессы Анны Буниной, изначально благожелательно встреченной критиками, несомненно, сыграли свою роль иронические упоминания ее Пушкиным. Пушкин не раз, публично и в письмах, высказывал сомнения и в способностях читательниц, ср., напр., реплику в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» (1827):

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные

²² Пуряева Н. Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н. И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2016. № 3. С. 108.

суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки²³.

Резкость оценки здесь обусловлена жанром, предполагавшим заостренность суждений и формулировок, и общей публицистической направленностью «Отрывков». За ней стоит реакция на карамзинистскую эстетическую программу, к тому времени устаревшую. Полемиическая острота пушкинских оценок, как видно из следующей цитаты, способствовала местами тенденциозной интерпретации их исследователями: поэт «время от времени <...> сочинял посвящения и содействовал публикациям поэтесс, он относился к этому более как к светской обязанности быть любезным („а мадригалы им пиши!“), рифмы их всерьез не принимал»²⁴. Однако обращение к другим пушкинским текстам, художественным (напр., «Роман в письмах» и «Рославлев») и литературно-критическим (отзывы о сочинениях Н. Дуровой, К. Павловой, А. Ишимовой), демонстрирует иной подход поэта к «женскому вопросу», не опосредованный полемиическими задачами. Представляется, что это не было обусловлено лишь позицией самого Пушкина. Именно в 1830-е годы начинается переосмысление статуса женщин-литераторов: они постепенно входят «в профессиональную литературную сферу, а в критике возникает понятие „женская литература“»²⁵. По замечанию современного исследователя, «<о>добрительное отношение к женскому творчеству времен сентиментализма и предромантизма уходит в прошлое. Сама по себе „невинная чистота“ к 1830 году не становится достаточной, чтобы обрести поэтическую славу»²⁶. Уже в 1847 году писатель и педагог Николай Билевич, автор одного из первых обзоров русской женской литературы, определит 1830-е годы как переломные: «едва ли когда-нибудь столько мыслила и писала русская женщина»²⁷.

В свете истории женского сочинительства показательны издания «Учебной книги российской словесности» Н. Греча. В первом издании (1819) в качестве писательниц упомянуты царица Софья, Е. Р. Дашкова, А. П. Бунина, последняя охарактеризована как главная русская писательница. В дальнейшем содержание этой части книги Греча претерпело изменения: «перечень писательниц значительно меняется в третьем издании (1844): статья о Буниной заметно сокращена, а о царице Софье и Дашковой вовсе отсутствуют упоминания»²⁸.

В 1826 году вышло первое специальное издание, посвященное русским женщинам-литераторам, «Библиографический каталог российским писательницам» С. В. Руссова, «до этого момента дифференциации по гендерному принципу между авторами литературных произведений в кодифицирующих изданиях (словарях) не делалось»²⁹. В книгу включен перечень из 87 авторов, с указанием сочинений, опубликованных в журналах или отдельными изданиями. Как явствует из предисловия, этот труд явился результатом каталогизации библиотеки некоей NN:

Ваше превосходительство, держась правильного мнения, что число писательниц какой-либо страны показывает особую степень просвещения оной, изволили возложить на меня все творения российских писательниц, находящиеся в прекрасной вашей библиотеке, отобрать в особое отделение и составить тем писательницам исторический словарь. Первую часть поручения вашего я исполнил; но другую, относительно составления исторического

²³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. М.: Л., 1949. С. 52.

²⁴ Брио В. Пушкин о возможностях женской литературы // Пушкинский сборник. Иерусалим, 1997. С. 191.

²⁵ Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы. С. 18.

²⁶ Хайдер К. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...»: Восприятие русских писательниц в «Дамском журнале» // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. Т. 2.

²⁷ Билевич Н. И. Русские писательницы XVIII века и XIX века. М., 1848. С. 225.

²⁸ Пуряева Н. Н. Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820–1850 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2020. № 3. С. 104.

²⁹ Пуряева Н. Н. Библиографический каталог российским писательницам С. В. Руссова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2018. № 3. С. 146.

словаря, нашел совершенно невозможную; кроме других препятствий, одно собрание сведений требует переписки бесконечной. Посему вместо исторического словаря подношу вам библиографический каталог российским писательницам и то не совершенно исправный³⁰.

Это предисловие весьма симптоматично. Во-первых, из него становится ясно, что инициатором проекта является женщина (предисловие имеет название «Письмо *ея* превосходительству NN») ³¹, именно по ее просьбе Руссов принимается за работу, во-вторых, количество писательниц здесь преподносится как показатель просвещения (и заказчица труда становится, таким образом, еще и «двигателем просвещения»). «Библиографический каталог» Руссова стал первым серьезным трудом, который демонстрировал наметившийся интерес к истории женской литературы.

Через четыре года после выхода «Библиографического каталога» в «Дамском журнале» начнет публиковаться серия статей М. Н. Макарова о русских писательницах. В общей сложности Макаров написал о 63 писательницах, большая часть из которых были переводчицами. Критик описывает деятельность женщин-литераторов, начиная с XVIII века и заканчивая 1820 годом, что можно рассматривать как попытку исторической оценки их деятельности. К. Хайдер в своей статье «„В сей книжке есть что-то занимательное, но...“: Восприятие русских писательниц в „Дамском журнале“» проанализировала принципы, которыми руководствовался Макаров при работе над циклом:

Макаровым проблематизируются практические помехи в творчестве женщин-писательниц, например то, что женщины имели фактически меньше шансов получить образование и были обременены семьей и домашней работой. <...> Большинство поэтесс были незамужними «девицами». <...> Предубеждения против пишущих женщин, существовавшие в XVIII веке, представляются с легкой иронией как проявление отсталости прошедшего века: мужья и отцы скрывали литературную деятельность своих жен или дочерей, так что поэтессы должны были публиковаться под псевдонимами³².

В целом цикл статей Макарова носил скорее энциклопедический характер, их автор занимает сдержанную позицию, но, безусловно, приветствует женское литературное творчество. Он старается сохранить объективность, не вдаваясь в чрезмерные похвалы, а недостаткам сочинений найти объяснение. Вот как Макаров комментирует творчество сестер Москвиных:

Стихи Г-ж Москвиных не везде чисты, не всегда ясны: то и другое должно извинить тем (если б однако ж мы не имели уже Княжны Урусовой), что они писаны <...> девицами, учившимися только по букварю природы: и так честь и слава им!³³

Критик объясняет несовершенство стихотворений («не везде чисты, не всегда ясны») недостаточным образованием их создательниц; с его точки зрения, читатели должны помнить об этом при оценке этих стихотворений.

Все эти примеры демонстрировали, с одной стороны, интерес критиков и историков литературы к явлению женского творчества, с другой – тенденцию к обособлению их и выработке для их оценки особой шкалы. Таким образом, писательницы выделялись в отдельную группу

³⁰ Руссов С. В. Библиографический каталог российским писательницам. СПб., 1826. С. 3–4.

³¹ Н. Пуряева полагает, что за инициалами NN могла стоять Е. А. Карамзина (Пуряева Н. Н. Библиографический каталог российским писательницам С. В. Руссова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2018. № 3. С. 147).

³² Хайдер К. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...» С. 132.

³³ Дамский журнал. 1830. № 27. С. 8.

внутри писательского цеха, обладали особым статусом, поэтому критики, а затем и исследователи чаще всего не считали нужным вписывать женщин-литераторов в контекст эпохи, если только речь не шла о социальных связях (покровительство и проч.). Таким образом появились работы, посвященные сугубо женской литературе, закреплявшие ее статус как явления, существующего параллельно с основным литературным процессом.

ГЛАВА 1

Карамзинисты о женском литературном творчестве

Как писал Ю. М. Лотман, характеризуя литературу 1790–1810-х годов, «господствующей литературной системой эпохи был карамзинизм. Он смог занять такое положение в силу своей теоретической и практической широты, граничившей с эклектизмом»³⁴. «Теоретическая и практическая широта» предполагала интерес ко многим проблемам: язык новой литературы, статус писателя в обществе, наконец расширение читательской аудитории. Роль женщины как реципиентки новой культуры и потенциальной полноценной участницы литературного процесса стала одним из самых обсуждаемых вопросов на страницах карамзинистской периодики. Вопреки сложившемуся среди исследователей мнению, у сентименталистов не существовало единого взгляда на этот вопрос и не все высказывания были однозначно позитивными. Даже позиция главного идеолога – Н. М. Карамзина была сложнее, чем однозначное приятие или неприятие писательниц. В настоящей главе мы постараемся показать, как эволюционировали представления о женском литературном творчестве у Карамзина и его последователей.

³⁴ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 14.

Проблема женского творчества в публицистике Н. М. Карамзина

Н. М. Карамзин, который первым из русских писателей нового времени отважился стать писателем-профессионалом и зависеть от успеха продаж своих сочинений, связывал дело просвещения и развитие культурной экономики. К. Ключкин, автор специальной статьи об экономических аспектах «Писем русского путешественника», так характеризовал представления Карамзина об экономике просвещения:

Образ литератора-торговца – часть широкой модели торговли, валютного обмена и коммерции, выступающей у Карамзина в качестве распространенной метафоры литературной деятельности <...> Модель торговли занимала важное место в предприятии писателя, импортировавшего продукты европейской культуры, популяризовавшего и распространявшего их среди растущей читающей публики в России. Само понимание Карамзиным механизма морального и эмоционального прогресса общества соответствовало идеям меркантилистской экономики XVIII века³⁵.

Периодические издания, то есть газеты и журналы, служили прогрессу во всех отношениях: позволяя автору доносить свои мысли и идеи до публики, они при этом являлись инструментом капитализации литературного труда. Для Карамзина журнальные проекты были одновременно просветительскими и коммерческими предприятиями. Первые его журналистские опыты относятся к 1787–1789 годам и появились в изданиях Н. И. Новикова: в журнале «Беседы с Богом, или Размышления в утренние часы», который состоял преимущественно из переводов сочинений пастора К. Х. Штурма и И. Ф. Тиде³⁶, и «Детском чтении для сердца и разума». В последнем появилась и первая оригинальная повесть Карамзина, «Евгений и Юлия» (1789, ч. 18). Как самостоятельный издатель Карамзин дебютировал в «Московском журнале», который он выпускал с января 1791 до декабря 1792 года. В «Заключении», помещенном в последнем номере, Карамзин уведомляет публику о своем новом предприятии:

«Аглая» заступит место «Московского журнала». Впрочем, она должна отличаться от сего последнего строжайшим выбором пиес и вообще чистейшим, то есть более выработанным, слогом; ибо я не принужден буду издавать ее в срок. Может быть, с букетом первых весенних цветов положу я первую книжку «Аглаи» на алтарь граций; но примут ли сии прекрасные богини жертву мою или нет, не знаю³⁷.

«Жертва» была, очевидно, «принята» – «Аглая» просуществовала с 1794 по 1796 год. В 1802 году Карамзин начал издание «Вестника Европы», которое вел почти единолично до 1804 года. История и авторская концепция этого журнала изучены довольно подробно, нас же будет интересовать проявившееся в публикациях журнала отношение Карамзина к литературному труду и женскому сочинительству как таковому.

В статье «О книжной торговле и любви к чтению в России», впервые опубликованной в «Вестнике Европы» (1802, № 9), он призвал к расширению книгоиздания – в целях укрепления финансовой независимости писателей, что, в свою очередь, должно было стать залогом их

³⁵ Ключкин К. М. Сентиментальная коммерция: «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 86.

³⁶ Редактором издания был протоиерей И. Г. Харламов; в подготовке материалов участвовали А. Петров и Д. И. Дмитриевский.

³⁷ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 120.

авторской независимости. Для привлечения более широкой читательской аудитории Карамзин полагал нужным использовать беллетристику:

И романы, самые посредственные, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению. <...> Как скоро между автором и читателем велико расстояние, то первый не может сильно действовать на последнего, как бы он умен ни был. Надобно всякому что-нибудь поближе³⁸.

Он ориентировался на читателей из различных социокультурных групп: «Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!*»³⁹ Увеличение читательской аудитории свидетельствовало как о прогрессе просвещения, так и о росте экономической состоятельности литературы. Как известно, карамзинские издания, изменившие культурный ландшафт России, имели финансовый успех⁴⁰. Карамзин был заинтересован, с одной стороны, в расширении аудитории, а с другой – в привлечении новых «агентов», способных нести его идеи. Именно такую роль он отводил женщинам.

Первый случай публикации женского сочинения в издании Карамзина относится к 1791 году. Это был стихотворный ответ на «Стихи госпоже Ан.» А. Петрова, помещенный в «Московском журнале» без указания имени сочинительницы:

*Когда ты лестную хвалу мне соплетаешь,
Напрасно ты меня прекрасной называешь
<...>
Душевна красота одна меня пленяет;
Такою красотой хочу блистать всегда;
Сияние ее не меркнет никогда*⁴¹.

Уже в альманахе «Аониды» (выпуски 1796, 1797 и 1798–1799 годов) Карамзин уделил гораздо больше внимания сочинениям поэтесс. Такой выбор был обусловлен стремлением к расширению аудитории альманаха, ориентированного не просто на абстрактных читателей, а на читательниц: даже формат книжек, «карманный», должен был сделать его удобнее для женского чтения. Стихотворения, созданные женщинами, Карамзина интересовали как симптом изменений в литературном процессе. По замечанию исследователя, издатель

не ограничивался демонстрацией достойных образцов современной поэзии, его задачей было показать процесс развития литературы, выражающийся в смене и сплаве форм, направлений, смысловых акцентов в содержании художественных произведений, поиске новых средств художественной выразительности⁴².

Помещение стихотворения в альманахе, таким образом, не означало признания его эстетических достоинств. Диалог издателя с читателями на страницах «Аонид» демонстрирует критерии отбора:

³⁸ Там же. С. 179.

³⁹ Там же. С. 177.

⁴⁰ Ключкин К. М. Сентиментальная коммерция. С. 14.

⁴¹ Цит. по: Владимиров П. В. Первые русские писательницы XVIII века и участие русской женщины в развитии народной словесности и древнерусской письменности. Киев, 1892. С. 35.

⁴² Николайчук Д. Г. Женская поэзия на страницах альманаха Н. М. Карамзина «Аониды» // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 4. С. 67.

«Для чего между многими хорошими стихами помещаются в „Аонидах“ и некоторые... очень не совершенные, слабые... или как угодно назвать их?» Отчасти для ободрения незрелых талантов, которые могут созреть и произвести со временем нечто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика публики заставила нас писать с большим старанием; чтобы читатели имели удовольствие видеть, как молодые стихотворцы год от году очищают свой вкус и слог; наконец и для того, чтобы не очень хорошее тем более возвышало цену хорошего. Одним словом, «Аониды» должны показать состояние нашей поэзии, красоты и недостатки ее⁴³.

В «Аонидах» опубликовались поэтессы Елизавета Хераскова («Стансы»), Наталья Старова («Милонова печаль»), Александра Магницкая («Нищий»), Екатерина Свиньина («Пчела. Басня»; «Любовь и дружба»); Екатерина Урусова («Весна»; «Чувство дружбы»; «Ручей»; «Уединенные часы»; «Степная песнь»).

Надо полагать, что эти сочинения попали на страницы карамзинского альманаха неслучайно: так или иначе, их создательницы были близки к масонскому кругу. Екатерина Свиньина ранее публиковалась в «Живописце» Новикова, Елизавета Хераскова была супругой Михаила Хераскова, который, в свою очередь, был литературным наставником Екатерины Урусовой. Александра Магницкая тоже состояла в переписке с Херасковым. Как известно, в 1785–1789 годах Карамзин был близок московскому кругу масонов и находился под влиянием Новикова и Кутузова. Позднее, в Симбирске Карамзин принадлежал сначала к ложе «Золотого венца», а затем был членом «Дружеского ученого общества». Идея распространения просвещения была одной из ключевых для движения. Д. Г. Николайчук указывала на наличие специфических масонских мотивов в сочинениях поэтесс, опубликованных в «Аонидах»: так, например, «Стансы» Е. Херасковой сочетают «в своей проблематике идеи масонства и программу Львовского кружка (частная жизнь как центр мира, душевное здоровье и покой как главные ценности, „театрализация“ жизни)»⁴⁴. Таким образом, в выборе поэтесс, чьи сочинения публиковались на страницах «Аонид», Карамзин руководствовался «идеологической» близостью женщин-авторов.

Наибольшее количество публикаций принадлежит Екатерине Урусовой, что вполне соответствовало ее статусу известной стихотворицы. В альманахе Карамзина она выступила после длительного перерыва, возвращение в печать вызвало отклик в писательском кругу. П. И. Голенищев-Кутузов откликнулся на «Ручей» Урусовой посланием «К сочинительнице *Ручья*, стихи тою же мерою писанные» (Иппокрена. 1799. Ч. 3); в свою очередь, он получил «От сочинительницы *Ручья*, ответ на ответ. Стихи», опубликованный в том же номере. В третьей книге «Аонид» стихотворение Урусовой «Степная песнь», обращенное к «трем милым пастушкам» у «Невских берегов», означенным в примечании буквами «В... К... М...», вызвало стихотворный «Ответ» за подписью «Н... П...». Таким образом, публикация в альманахе Карамзина способствовала актуализации поэзии Урусовой.

Между «Московским журналом» и первым выпуском «Аонид» прошло всего пять лет. Резкое увеличение числа опубликованных текстов, принадлежащих перу женщин, свидетельствует, возможно, о том, что идеи об особом месте просвещенных дворянок в формировании культурного ландшафта появились у Карамзина именно в этот промежуток времени.

В его концепции женщине отводилась особая роль – потребителя культуры и воспитателя нации. Карамзинские журналы предлагали читательницам идеальный сценарий поведения и развития хорошего вкуса. В первом номере «Вестника Европы» издатель объяснял, что «Юве-

⁴³ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1796–1799. Кн. II. С. IV.

⁴⁴ Николайчук Д. Г. Женская поэзия. С. 68.

налов бич не годится в разговоре с прекрасным полом, которого ошибки происходят всегда от слабости, от воспитания, а чаще всего, от нежной чувствительности»⁴⁵ – следовательно, для женщин нужна была особая программа воспитания вкуса. По словам Лотмана, у Карамзина «дамский вкус делался верховным судьей литературы, а образованная, внутренне и внешне грациозная, приобщенная к вершинам культуры женщина – воспитательницей будущих поколений просвещенных россиян»⁴⁶. Литературно-публицистическая работа Карамзина способствовала этому приобщению; разумеется, он был не единственным двигателем, а катализатором процесса воспитания «читательницы» и ее превращения в «писательницу».

Интерес издателя «Вестника Европы» к женщине как участнице культурного строительства, как нам видится, обусловлен его представлениями об историческом процессе, субъектами которого были и мужчины, и женщины. В этом отношении Карамзин явился наследником современных ему идей, которые подкреплялись российскими культурно-политическими реалиями:

Участие женщин в делах управления не было явлением исключительным и для Карамзина: выросший, сформировавшийся как личность в эпоху Екатерины II, ориентировавшийся на достижения исследователей англо-шотландской исторической школы, трудами Робертсона показавшей возможный блеск и величие женского правления, историк в данном отношении также следовал духу и букве века Просвещения⁴⁷.

В 1802 году он опубликовал статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (Вестник Европы. 1802. № 24), адресованную графу А. С. Строганову, президенту Академии художеств. Строганов внес в устав Академии рекомендацию студентам писать картины на сюжеты из русской истории. Карамзин откликнулся статьей, в которой предлагал живописцам исторические сюжеты и героев, достойных, по его мнению, увековечения; наряду с Рюриком, Олегом, Святославом, Владимиром и другими князьями он указывал на княгиню Ольгу, Рогнеду-Гориславу, Анну Ярославну.

В отборе сюжетов с их участием Карамзин руководствовался эстетическими и морально-дидактическими аргументами. Самые известные деяния княгини Ольги пришлось на годы, когда она «была уже немолода», а «художники не любят старых женских лиц», поэтому Карамзин предлагает выбрать не «одно из десяти возможных представлений», а «изобразить ее сговор»⁴⁸. В предлагаемой для картины сцене Игорь играет второстепенную роль, на первом плане находятся будущая княгиня и ее мать:

...<Игорь> с восхищением радостного сердца смотрит на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную в простоте древних славянских нравов. За нею стоит мать ее, о которой нет хотя ни слова в летописях, но которая присутствием и благородным видом своим должна дать нам хорошую идею о нравственном образовании Ольги: ибо во всяком веке и состоянии одна нежная родительница может наилучшим образом воспитать дочь⁴⁹.

Вводя этот образ, Карамзин подчеркнул свою излюбленную мысль о значении женщины как воспитательницы, ведь своими исключительными качествами Ольга была обязана именно матери. В статье Ольге отведено больше места, чем другим героиням, сообразно ее роли в

⁴⁵ Вестник Европы. 1803. № 1. С. 39.

⁴⁶ Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллин, 1992. С. 360.

⁴⁷ Рудковская И. Е. Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н. М. Карамзина // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 236.

⁴⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 191.

⁴⁹ Там же.

исторических преданиях и ее оценке Карамзиным; И. Е. Рудковская отметила особенности изображения Ольги в «Истории Государства Российского»:

...полулегендарное правление той, которую он <Карамзин. – М. Н.> буквально через несколько строк назвал «бессмертной супругою Игоря», оценивалось им выше, чем все предшествовавшие мужские правления, ибо «Великие Князья до времен Ольгиных воевали: она правила Государством» и «мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами». Говоря «может иногда», историк признавал, скорее, *проблематичность закрепления феномена женских правлений на Руси* <курсив мой. — М. Н.> в силу специфики положения женщины в традиционном славянском обществе, где жены считались «совершенными рабами»⁵⁰.

Другие героини статьи, Рогнеда-Горислава и Анна Ярославна, находятся в тени мужчин – Владимира, Ярослава Мудрого и Генриха I, но для Карамзина они важны как обладательницы исключительных нравственных качеств. Заметим, что еще одну героиню, жену боярина Кучки, которая стала объектом страсти Юрия Долгорукого и сыграла свою роль (легендарную) в основании Москвы, Карамзин выводит за рамку предполагаемой картины – по соображениям морали:

Мне хотелось бы представить начало Москвы ландшафтом <...> небольшое селение дворянина Кучки, <...> князя Юрия, который, говоря с князем Святославом, движением руки показывает, что тут будет великий город <...>. Художник, наблюдая строгую нравственную пристойность, должен забыть прелестную хозяйку: но вдали, среди крестов кладбища, может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях. Мы угадали бы, кто он, – вспомнили бы трагический конец любовного романа, – и тень меланхолии не испортила бы действия картины⁵¹.

Безусловно положительную оценку Карамзин дает Екатерине II, неслучайно первым крупным историческим сочинением стало именно «Похвальное слово Екатерине II». В величии Карамзин уравнивает ее с Петром I и относит к тем «любимцам Неба», которые

рассеянные в пространствах времен, подобны солнцам, влекущим за собою планетные системы: они решают судьбу человечества, определяют путь его; неизъяснимою силою влекут миллионы людей к некоторой угодной Провидению цели; творят и разрушают царства; образуют эпохи, которых все другие бывают только следствием; они, так сказать, составляют цепь в необозримости веков, подают руку один другому, и жизнь их есть История народов⁵².

Устойчивая положительная оценка деятельности Екатерины должна была как минимум способствовать формированию представления «о возможности позитивного взгляда на проблему женских правлений»⁵³.

Однако вмешательство женщины в политику Карамзин не всегда оценивал положительно. В повести «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (Вестник Европы. 1803. № 1–3) он создал впечатляющий образ героини-«римлянки». Марфа Борецкая, «славная дочь

⁵⁰ Рудковская И. Е. Женщины в политике в трактовке. С. 243.

⁵¹ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 196–197.

⁵² Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 284.

⁵³ Рудковская И. Е. Женщины в политике в трактовке. С. 245.

Новгорода», вопреки установленным правилам «дерзает говорить на вече», обосновывая выступление заслуженным «правом»:

...скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья...⁵⁴

Своей речью она вдохновляет новгородцев на защиту «прав новгородских» от князя Иоанна, исполненного «похвальных свойств и добродетелей», но несправедливого и властолюбивого. В финале повести Борецкая гибнет на эшафоте. Ее героическая смерть – добровольный выбор, но и наказание, постигшее Марфу за фанатическую защиту новгородской вольности от власти Иоанна (красноречиво сравнение ее с Катонем в начале повести; уподобление Вадиму Новгородскому проходит через весь текст), за призыв «к войне и кровопролитию» (что у Карамзина героиня сама ставит себе в вину и характеризует как поведение, не подобающее жене и матери). Как отметила Рудковская, характеристику Марфы в «Истории Государства Российского» Карамзин дает в том же ключе: «жена гордая, честолюбивая», которая «предприяла решить судьбу отечества» вопреки «древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства»⁵⁵. Примеры осмысления женщины как субъекта истории показывают всю сложность отношения Карамзина к роли женщины в обществе и культуре.

Как мы отмечали выше, став издателем «Вестника Европы», Карамзин принял за «формовку» современной просвещенной дворянки. В первом же номере была помещена переводная статья «Портрет одной милой женщины». Хотя перевод не принадлежал издателю, публикация в первом номере указывала на его программный характер. «Портрет» изображал «чувствительную читательницу» – идеального реципиента новых литературных произведений:

N. N. никого не ослепит с первого взгляда: ум ее не столько блестящ, сколько тонок и основателен; однако довольно жив, приятен и способен к острым ответам; но все это покрывается беспримерной скромностью... Я уже сказал о склонности ее к романам; но это не одно ее чтение: она знает всех лучших французских поэтов и почерпнула из разных сочинений нравоучительных и принадлежащих до воспитания все то, чем только может пользоваться приятная в обществе женщина, добрая жена и нежная мать⁵⁶.

Статья задавала модус социального поведения женщины: ее ум, «не блестящий, но тонкий», должен сопрягаться с «беспримерной скромностью»; пищей ему должны служить «сочинения нравоучительные и принадлежащие до воспитания», и только; женщины не предназначены интеллектуально «блистать» и не должны слишком явно демонстрировать свою образованность. «Милая женщина» – идеальная слушательница: «Стихотворство было – не скажу, моим талантом, по крайней мере любимым моим упражнением; она с удовольствием слушала незрелые первенцы моих опытов»⁵⁷. Сравним с тем, что Карамзин писал десятилетием раньше, в «Письмах русского путешественника»:

Стихи свои, еще в рукописи, читает он <Геснер. – М. Н.> одной приятельнице, которая, не будучи ученою, имеет природное нежное чувство изящного. «Иногда, – сказал он мне, – я спорю с нею, когда она находит что-

⁵⁴ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 687.

⁵⁵ Рудковская И. Е. Женщины в политике в трактовке. С. 249.

⁵⁶ Вестник Европы. 1803. № 1. С. 57.

⁵⁷ Там же. С. 55.

нибудь противное в моих сочинениях. „Говорите что хотите, – отвечает она, – я не могу опровергать вас, но остаюсь при своем чувстве“. Наконец, подумав хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь перед нею». – Мне пришла на мысль Аспазия, которой афинские певцы отдавали на суд свои творения; ушам ее верили они более, нежели своим, – и я думаю, что женщины вообще могут чувствовать некоторые красоты поэзии живее мужчин⁵⁸.

Образованная, тонко чувствующая поэзию, женщина выступает как слушательница и собеседница, поглощенная интересами мужчины.

Очень сходная с приведенными в «Портрете» суждениями об образовании женщин программа обнаруживается в педагогическом трактате Ж.-Ж. Руссо:

Софи обладает умом приятным, но не блестящим, и основательным, хотя не глубоким; умом, о котором не говорят, потому что никто не находит его больше или меньше своего. Она обладает умом, который нравится всякому, кто с ней говорит, хотя и не украшен соответственно нашим понятиям о воспитании женского ума; ея ум образовался не в чтении, а только в беседах с отцом и матерью, в размышлениях и наблюдениях⁵⁹.

Ученость не к лицу женщине: «кто захочет вообразить Граций с пером в руке, закапанных чернилами и погруженных ночью в авторское глубокомыслие? Розовая гирлянда украшает женщину; лавровый венок делает ее старее»⁶⁰. Женщина должна оставаться в предписанных обществом рамках – женой, матерью и хозяйкой, а не стремиться к славе – несмотря на свои таланты или их отсутствие.

Именно тщеславие ставится в вину маркизе дю Шатле, печатавшей труды по математике и физике: «Не имея от природы ни талантов, ни вкуса, ни памяти, ни воображения, она сделалась Геометром, чтобы выйти из круга обыкновенных женщин, странность помогла ей возвыситься»⁶¹. Публикуя перевод из французского журнала, Карамзин, разумеется, мог не разделять или разделять не вполне мнения автора, тем более что в том же номере опубликован «Спор о Вольтере», где философу были даны весьма резкие оценки, с которой статья о дю Шатле образовывала смысловую связь. Однако, каковы бы ни были первоначальные намерения издателя, текст о маркизе включался в общий контекст высказываний о женщинах на страницах «Вестника Европы».

Стремление маркизы «выйти из круга обыкновенных женщин» и прославиться автор статьи объявляет ее главным пороком. Ему важно подчеркнуть, что хотя не все женщины бездарны, именно эта не была в состоянии произвести ничего оригинального, он прямо обвиняет ее в плагиате: «славная книга, изданная под ее именем, есть сочинение какого-то пономаря, именем Кенига, <...> она учится теперь геометрии, чтобы разуместь собственную книгу свою»⁶². Статья завершается иронической оценкой: «...женщине надобно быть *славимой*, чтобы сделаться *славной*

⁵⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 44.

⁵⁹ Руссо Ж. Ж. Эмиль, или О воспитании. СПб., 1912. С. 399.

⁶⁰ Вестник Европы. 1802. № 21. С. 15.

⁶¹ Вестник Европы. 1802. № 7. С. 243.

⁶² Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.